

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

«И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»

Новый роман Екатерины Островской «Упасть еще выше» — прекрасный образчик творчества замечательного автора детективов. Ее новая книга задорна, умна, иронична, читается легко и с удовольствием.

Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу...

Книга «Упасть еще выше» демонстрирует недюжинный талант Екатерины Островской к конструированию собственных вселенных: детектив получился ярким, запутанным и невероятно динамичным. Почти что кэрролловское зазеркалье в современной России: сплошь странные персонажи, необычайные обстоятельства, невероятные совпадения, нераскрытые тайны и не отступающее ни на секунду ощущение падения в кроличью нору — чем дальше, тем страннее и быстрее происходящее. Но падать абсолютно не страшно — можно полностью довериться Екатерине, она не подведет: в последний момент ловко и легонько подхватит, и приземление будет мягким. После прочтения нового детектива останется лишь ощущение праздни-

ка и легкое головокружение — как после спуска с американской горки.

А еще все книги Островской — «Упасть еще выше» не исключение — нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманнами мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Островская, ставшая по-настоящему заправским драматургом, не щадит своих персонажей! В новой книге «Упасть еще выше» она помещает Лену — рядового школьного психолога, живущую с рассеянным и неприспособленным мужем-изобретателем Николаем и любимым сыном Пашкой, — в самую середину кипящего водоворота событий, тайн и злодеяний, и той приходится сражаться со стихией изо всех сил, чтобы удержаться на поверхности. В одночасье отлаженная,

радостная и немного бестолковая жизнь заканчивается: Николая арестовывают по надуманному обвинению в вымогательстве, а вокруг Елены происходит череда загадочных убийств. Постепенно разбираясь в происходящем, распутывая клубок неявных закономерностей, Лена вскрывает невероятную по своим масштабам и дерзости аферу. Но злодей — могущественный и коварный преступник — до самого последнего момента останется в тени, готовый нанести неожиданный удар в спину...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Публичный человек мало чем отличается от публичной женщины. Трудно сказать, кто из них приносит больше пользы народу, но публичный человек обходится гораздо дороже. Есть и еще один вопрос, на который нелегко ответить, — должность это или призвание: на публичного человека нигде не учат — в публичность идут индивидуумы, окончившие разные институты или не кончавшие никаких. Тот, кто с детства хотел стать авиаконструктором или мечтал бороздить просторы океана, в публичные люди почему-то не спешит, а занимается любимым делом. Зато некоторые, едва получив диплом, который им не нужен, сразу отправляются в политику. Или не сразу: сначала принимаются изобретать авиамоторы или уходят в море, но на избранном поприще у них не все складывается — то ли самолет не хочет взлетать, то ли корабли сталкиваются друг с другом, причем не в узком проливе, а посередине Тихого океана, где они, к удивлению всего мира, внезапно оказались, — ну не сложилась у людей трудовая биография, и тогда они устремляются в большую политику.

Конечно, они не сразу туда попадают. Сначала записываются в какую-нибудь партию и начинают себя проявлять: все время сидят в партийных офисах, бегают

в магазин, если партийные начальники попросят, отвечают на телефонные звонки, подметают полы... Такие люди, как выясняется, могут многое: и баню растопить, и позвонить знакомым публичным женщинам, если начальство вдруг захочет пообщаться с народом... Кстати, в последнее время появилась еще одна тенденция: некоторые публичные женщины уходят в публичные люди. Только наша жизнь от этого лучше не становится, но феминистки радуются. К тому же есть и публичные мужчины, которые внешне мало отличаются от публичных женщин, — они тоже хотят пойти в политику, чтобы отстаивать свои интересы уже на законодательном уровне. Они готовы положить себя на алтарь борьбы...

Как сказал когда-то один малоизвестный поэт:

Иной готов, конечно, ради дела
И душу заложить, и нижнюю часть тела.

Впрочем, это все лирика, а жизнь порой — суровая проза.

ГЛАВА 1

Лена Зворыкина на обстоятельства не жаловалась, если честно, она была довольна жизнью. Замуж вышла по любви, и с каждым годом любовь эта становилась все сильнее. Муж Николай оказался умным, добрым и заботливым — короче говоря, был достоин ее обожания и преданности. Сын был похож на мужа своей рассудительностью и усердием. И подружки у Лены имелись; правда, встречалась она с ними не так часто, как хотелось бы, но слишком много времени Зворыкина отдавала семье. Впрочем, с двумя девочками она виделась очень часто. Они были самыми близкими подружками, потому что общались еще со школьных времен — с самого первого класса. У подружек жизнь складывалась не совсем удачно, хотя они и не бедствовали, как некоторые. Тамара Майорова после окончания экономического факультета института торговли открыла небольшую фирму, в которой была и директором, и бухгалтером, и все остальное выполняла сама — работа была нетрудной: Майоровой даже не требовался офис. Дело в том, что ее мама возглавляла районное проектно-инвентаризационное бюро, в которое приходили граждане, желающие сделать в своих квартирах перепланировку. Мама Тамары с печалью отвечала им, что это почти невозможно, то есть невозможно в принци-

пе, но если граждане закажут проект перепланировки в одной солидной фирме, имеющей лицензию на подобную деятельность, тогда можно будет поставить на проекте разрешительную визу. Граждане тут же получали все необходимые для заключения договора документы и звонили Тамаре. Та назначала им встречу в кабинете своей мамы, подписывала договор, получала аванс, узнавала, чего хочет заказчик, а потом на кухонном столе своей квартиры красным фломастером рисовала на копии технического паспорта новую стенку или замазывала белилкой стенной шкаф. Клиенту это стоило недешево, потому что Тамаре пришлось делиться с мамой за подбор клиентов и немножко с государством за разрешительный штамп. За семь лет после окончания института Майорова сумела купить себе квартиру, через каждые два года приобретала новый автомобиль и часто отдыхала, чаще всего в Доминикане или на Маврикии. Летала туда одна или с мамой, которая тоже очень уставала на работе. Отдыхать с мамой не самое большое удовольствие, разумеется, но мама ей особо не мешала, понимая, что дочери надо выйти замуж. Замуж Тамара один раз сходилась, но неудачно: при знакомстве будущий супруг представился офицером, уволенным в запас по ранению. Но очень скоро — практически в ту же ночь — при детальном осмотре на теле героя не было обнаружено никаких шрамов и следов проникновения внутрь осколков или пуль, а потом еще выяснилось, что мужественный человек, хоть и любил командовать, переходя порой на визгливые истерические вопли, в армии не служил по причине почечной недостаточности. Майорова готова была терпеть и вопли, и не очень здоровые почки,

но муж в один прекрасный день сбежал от нее к Ирке Топтуновой, которая тоже была одноклассницей Тамары и Лены, то есть той самой третьей их подругой. Брошенная жена, конечно, тут же перестала с Ириной общаться, но затем отношения их возобновились с новой силой, потому что блудный муж бросил и Топтунову, а следовательно, двум подружкам было о чем поговорить и чем поделиться.

Топтунова тоже устроилась неплохо, хотя институтов не заканчивала и такой замечательной мамы, как у Майоровой, не имела. Ирке приходилось рассчитывать исключительно на свои силы и на свои чары. У нее была самая большая в классе грудь, которая поражала воображение одноклассников, учеников параллельного класса, учеников вообще и даже некоторых преподавателей — физкультурника и трудовика, не имевшего к профессиональному образованию девочек никакого отношения: он обучал мальчиков делать табуретки и столешницы. Трудовик был угрюм и, встречая в школьных коридорах щедро одаренную природой ученицу, смотрел на нее с таким видом, словно примеривался, где надо подстрогать, а где пройти лаком. Но молчал при этом с самым суровым видом. Возможно, он завидовал физруку, который мог на своих уроках беспрепятственно помогать Топтуновой делать кувырки, стойку на лопатках и мостик. Но однажды трудовик встретил Ирину в фойе кинотеатра, куда она пришла вместе с подружками Леной и Тамарой. Сначала учитель рассматривал ее издали, потом два раза прошел мимо, а на третий приблизился и отозвал ее в сторону.

Отвел под рекламу фильма «Секс в большом городе» и сурово спросил:

— Вы когда-нибудь держали в руках инструмент?

— Нет, — честно ответила Ирина.

— Ну, так зайдите как-нибудь в школьную мастерскую: я покажу рубанок, стамеску и вообще как это делается.

И тут же удалился, как будто это было единственное, что он хотел узнать и предложить. Правда, потом, уже когда в зале погасили свет, трудовик пытался пробраться на их ряд, но попытка не удалась — его запинали ногами более молодые зрители. В школьную мастерскую Ирка так и не сходила.

Ее грудь и в самом деле могла поразить. Тем более что у Топтуновой имелась привычка при разговоре с представителями мужского пола наклоняться, почти прикасаясь к собеседникам своими достоинствами. Привычка эта появилась давно — еще тогда, когда грудь только-только начала появляться и о ее существовании никто, кроме самой Ирки, не догадывался. Отработанное за годы движение стало уже рефлекторным, а потому Топтунову не смущало, кто перед ней — пассажир в вагоне метрополитена или муж подруги. Замужем она была дважды, не считая бывшего супруга Майоровой, и оба раза неудачно. Оба мужа возвращались домой в момент, когда Ирка менее всего ожидала их увидеть. Второй муж даже попытался ее убить — несколько раз стрелял из газового пистолета, после чего собирал свои вещи, обливаясь слезами. А под балконом второго этажа во время собирания чемодана лежал не очень одетый коллега по работе и тоже плакал — у него оказалась сломана нога. Потом этот коллега посещал Топтунову уже в гипсе. Она слышала за стеной тук-тук-тук и тут же открывала дверь, чтобы не заставлять инвалида лишние

секунды стоять. Топтунова занимала должность директора небольшого магазинчика, который назывался «На ход ноги», и коллегами-мужчинами у нее были грузчик и охранник, которых приходилось часто менять ввиду нарушений этими коллегами трудовой дисциплины.

Лене, разумеется, некоторые аспекты личной жизни подруг не очень нравились, но она никогда не обсуждала их поведение: подруги есть подруги, а близким людям надо прощать все их недостатки и некоторые поступки — кроме подлых, разумеется. Но Тамара с Ириной никогда ничего плохого Зворыкиной не делали, не злословили за ее спиной и готовы были в любую минуту приехать на ее зов, а чаще просто так. Дни рождения подружки тоже всегда встречали вместе, и это были веселые и радостные праздники.

ГЛАВА 2

Лена родилась в последний день весны, а потому отмечала свой день рождения на даче. Народу редко бывало много: сама Лена с мужем, Майорова, Топтунова, которая почти каждый раз приезжала с кем-нибудь новым — когда были мужья, то с ними, а потом с поклонниками, причем каждый год поклонник оказывался другой, но Зворыкины уже к этому привыкли и лишних вопросов не задавали.

В середине мая позвонила Тамара и предупредила, что через десять дней летит с мамой отдыхать на Сейшелы, а потому на дне рождения Лены ее не будет.

— Ты пойми, — сказала она, — у мамы отпуск, как назло, и она купила две путевки — себе и мне. Я бы не

полетела, но я на этих Сейшелах еще ни разу не была, а потом: мама платит, почему я должна отказываться? А вдруг там общество приличное будет и мне удастся мужика какого-нибудь зацепить?

— А тебе нужен какой-нибудь? — съязвила Лена.

— Не, какой-нибудь мне не нужен, — призналась Тамара, — а с другой стороны, чем там заниматься — загорать, что ли? Так для этого не надо никуда летать — сходила в солярий, и вот тебе загар. Так что вы там уж без меня как-нибудь, а я потому приеду, привезу вам какую-нибудь ракушку.

Она каждый раз привозила из экзотических стран Лене подарок: ракушку или магнитик на дверцу холодильника. Как-то подарила Петьке, Лениному сыну, футболку, при этом сказав:

— Очень качественная вещь, сама бы носила, но здесь пятнышко на спине.

Пятнышко на спине футболки было едва заметным, зато на груди красовалась огромная бутылка рома и надпись «I like Habana club». Десятилетнему мальчику майка оказалась велика, но Майорову это не смутило.

— Года через три будет в самый раз, — сказала она и засмеялась.

Обидеться на нее было невозможно.

Потом позвонила Топтунова и сообщила, что Тамарка с мамой улетает на какие-то острова, но сама она приедет к Зворыкиным обязательно. Теперь у нее новый поклонник, который, если верить его словам, работает в банке, правда, пока еще не сказал в каком. Какая машина у банкира, выяснить пока тоже не удалось, потому что она в ремонте.

— Так что посидим вчетвером, — вздохнула Топтунова.

— Впятером, — поправила Лена, — муж пригласил своего институтского приятеля, и тот обещал быть обязательно.

— Симпатичный? — поинтересовалась как бы между прочим Ирина. — Высокий хоть, а то тот, который из банка, уж больно маленький, и у него еще нос сломан. Это я заранее предупреждаю, чтобы вы с Колей вопросов не задавали.

— Главное, чтобы тебе нравился.

— Да все они одинаковые, только роста разного. Тот, который с твоим мужем учился, он как Николай или...

— Он высокий, — сказала Лена, — может быть, метр девяносто. Рыжий, правда, и в очках.

— Ну, — разочарованно протянула Топтунова, — в очках, да еще рыжий. И к тому же какой-нибудь инженер?

— Вообще-то он депутат Государственной думы. Пышкин его фамилия. Он часто на экране мелькает. Может, ты его и видела...

Телефонная трубка замолчала. И молчала долго.

— Ира, ты где? — спросила Лена.

— Ты серьезно про депутата? — прохрипела трубка.

— А когда я тебя обманывала?

Топтунова опять замолчала, словно припоминая что-то очень важное.

— Так он что, без жены приедет? — дрогнувшим от надежды голосом поинтересовалась школьная подруга.

— Он уже полтора года в разводе.

— Ик, — пискнула трубка, и тут же из нее вылетел крик: — Никого не приглашай больше! Ты слышишь, Ленка, никого! Я обязательно приеду!!!

Гостей ждали к двум часам дня, но Топтунова примчалась еще до полудня. Выглядела она просто замечательно: беленький летний костюмчик, приобретенный, очевидно, специально для этого дня — куцый пиджачок, едва достигающий талии, и коротенькая юбочка, босоножки на высоченной шпильке и, конечно же, декорированный топик цвета цветущей персидской сирени. Накануне Ирина сделала новую прическу — теперь ее волосы казались густыми и пышными, ровными прядями спускались на плечи.

Топтунова вошла во двор и увидела Николая, который готовил дрова для мангала.

— Как я тебе? — поинтересовалась она.

— Божественно, — отозвался он, разрубая толстое березовое полено.

Ирина заглянула в шатер, в котором Лена накрывала на стол.

— Чего не встречаешь, подруга? — крикнула Ирина счастливым голосом.

Они расцеловались, и хозяйка оценила:

— Ты сегодня удивительно хороша!

— Просто ты меня давно не видела, — скромно ответила Топтунова.

И продемонстрировала нарощенные сиреневые ногти, сверкающие почти бриллиантовой крошкой.

Два с половиной часа подруга изнемогала от ожидания.

Владимир Геннадьевич Пышкин приехал на большом сверкающем «Ауди» с водителем. Когда он вышел из автомобиля, Ирина смотрела в сторону, будто бы ее интересовало что-то более важное, чем незнакомые мужчины в дорогих костюмах с депутатскими значка-

ми на лацканах. Потом закинула ногу на ногу и принялась изучать свои ногти. Зворыкин встретил гостя, они обнялись.

— Кто это? — шепнул на ухо другу депутат.

— Подруга жены, — ответил Николай, — сейчас я вас познакомлю.

— Что же вы скрывали от меня такое чудо! — возмутился Пышкин.

Он вручил Лене пакет с подарком, продолжая коситься на незнакомку в солнцезащитных очках.

Сраженного народного избранника усадили за стол рядом с Топтуновой, которая мило улыбнулась ему, но солнцезащитные очки все же не сняла, считая, очевидно, что женщина не обязана демонстрировать себя всю и сразу.

— ...Ремонт в квартире я сделала, — произнесла Ирина, словно заканчивая давно начатый разговор, — а кран на кухне течет, хотя рабочие установили новый смеситель. Я вызываю сантехника, мне назначают дату его визита. Представляете, надо целую неделю ждать! Тогда я сама поменяла прокладку...

— Что, простите? — переспросил депутат.

— Штучку такую в кране, — объяснила Топтунова, — теперь у меня ничего не протекает.

Николай разлил по бокалам шампанское и предложил выпить за именинницу.

Постепенно беседа стала совершенно непринужденной. Гость попросил разрешения снять пиджак.

— Тогда и я это сделаю, — улыбнулась Ирина.

Она скинула свой пиджачок и перекинула его через спинку стула, на котором сидел Пышкин. И при этом склонилась к гостю, тот поглядел на то, что кос-

нулось его плеча, и, удивленный, замер. А Зворыкины переглянулись: теперь им стало понятно, что именитый гость никуда от Топтуновой не денется.

— Вчера у меня тоже был трудный день, — вздохнул Пышкин, ослабляя узел галстука, — обсуждали новую редакцию закона о митингах и собраниях. Не могли определиться с понятием «толпа», вернее, что отличает толпу народа от массы народа. А если говорить о массе народа, следует ли понимать толпу под народными массами?

— Я даже не догадывалась, как вам трудно в Думе! — поддержала зарождающуюся тему Лена. — На следующем заседании наверняка будете обсуждать, можно ли считать передвижение массы народа народным движением.

— Вряд ли, — покачал головой депутат, — это несравнимые вещи.

— Можно сравнивать все что угодно и с чем угодно, — поддержал жену Николай. — Например, квадратный корень и паровоз.

— Это крайность — между ними ничего общего, — возразил Владимир Геннадьевич.

— Как раз наоборот, между ними общего гораздо больше, чем между движением народа и народными массами: квадратный корень и паровоз — это продукт деятельности человека. А вот движение народных масс можно сравнить лишь с броуновским движением, то есть с хаотическим движением частиц. Если количество частиц не определено с точностью до целой единицы, то направленность движения установить нельзя. А направленность масс — это уже поток. А поток сможет снести любую преграду, если превосходит ее

массой и скоростью движения. Если преграда статична и масса ее мала...

— Я понял, — рассмеялся Пышкин, — но ты, дорогой друг, слишком пессимистично смотришь на вещи. Не забывай, что законотворчество не стоит на месте, а за депутатским корпусом стоит народ, а не какие-то массы. Народ нас избрал, понятно, что народ имеет право требовать, чтобы законотворчество отвечало нуждам и чаяниям большинства граждан. И потом...

— Все! — перебила гостя Топтунова. — Не хочу говорить и слушать о каких-то проблемах. Сегодня у нас праздник, поговорим о чем-нибудь приятном.

— Да, — согласился Владимир Геннадьевич и покосился на вздымающуюся грудь соседки по столу, — поговорим лучше о наших достижениях...

И тут же обратил сверкающий очками взор на хозяина дома.

— Над чем работаешь сейчас, дорогой друг? Какие у тебя успехи на ниве изобретательства? Есть ли они вообще?

Зворыкин кивнул:

— Кое-что имеется, причем не в рамках программ, финансируемых из бюджета. Дело в том, что я, будучи еще школьником, задумался над тем, как можно поработать с экспонентой Пекерта, другими словами, как заставить электродвигатель выдавать большую мощность, чтобы батареи не разряжались при этом мгновенно. Изготовил тогда для себя электромобиль. Смешной, конечно, был аппарат — на велосипедных колесах, без корпуса, но с крышей из солнечных батарей. И все же я на нем ездил, лишь изредка подкручивал педали... Все испытывал, чтобы аккумуляторы подза-

ряжались на ходу... Даже ветряки ставил... Потом установил солнечные батареи не на над головой, а внутри колес... В солнечный день мог ездить часа два, не крутя педали. Это все детство, конечно, но теперь новые материалы появились, и в голове у меня тоже немного прибавилось. Короче, я придумал электромобиль, который если и нужно подзаряжать, то не так часто, как все существующие ныне. Электромобиль с собственным весом семьсот килограммов и с двумя пассажирами сможет проехать полторы-две тысячи километров со средней скоростью девяносто-сто километров в час.

— У тебя уже есть готовый экземпляр?

— Нет, потому что нет средств его изготовить и испытать. Вполне вероятно, что возможности аппарата превзойдут те данные, которые я обозначил.

— То есть у тебя новый двигатель или сам автомобиль другой системы?

— Там новое все: аккумуляторы, двигатель, вернее, у меня там два движка — один работает, а второй подзаряжается во время движения. Солнечные батареи встроены в крышу и капот, энергия встречного ветра, вращение вала — все работает на создание мощности, и это еще не все....

— Интересно, конечно, но ты начал этот разговор не случайно. Наверное, ждешь от меня какой-то помощи?

— Надеюсь на твое содействие, если тебя заинтересует мой проект. Может, ты сможешь найти каких-нибудь спонсоров. Или заинтересуешь какую-нибудь организацию.

— Сколько тебе надо?

— Около миллиона евро.

— Сколько? — воскликнул Пышкин. — Миллион евро! Сумасшедшие деньги! Никто столько не даст. Были бы у меня такие личные средства, я бы тебе отдал все до копейки, но для меня миллион — то же, что миллиард. Я сам в долгах — поездки, встречи, мне на это не хватает даже депутатской зарплаты. Перебиваюсь, перезанимаю, чтобы хоть как-то прожить. Когда-нибудь я приглашу тебя в гости, и ты увидишь, как я аскетично живу... Кстати, аккумуляторы у тебя ионно-литиевые наверняка, только большие.

— Сейчас уже есть иные технологии. А ионно-литиевые для твоего мобильного или ноутбука хороши. Да ладно, не бери в голову... Нет так нет.

— Я и в самом деле хотел помочь, но увы...

Народный избранник посмотрел на Топтунову, и та приняла сигнал:

— Что это вы такие не компанейские? — возмутилась она. — Прекрасные девушки ждут от вас комплиментов и восхищения, а вы о какой-то ерунде говорите.

Пышкин восторженно воскликнул:

— И в самом деле! Зря время тратим, когда рядом такая красота!

Он посмотрел на Ирину, и та сделала ему навстречу движение грудью.

— Кстати, — вспомнил депутат, — а как там ваша банька? Давай-ка ее затопим, а потом посидим там все вместе.

— Мы с Леной вчера уже помылись, — ответил Звонрикин, — но если вы хотите...

— Да-а, — одновременно выдохнули Пышкин и Топтунова.

Народный избранник вышел за калитку, приблизился к своему автомобилю, возле которого любовался небом его шофер — худосочный человек в светлом льняном костюме. Пышкин что-то сказал ему, после чего похожий на офисного клерка водитель вернулся за руль. Сверкающий «Ауди» укатил, а Пышкин вернулся в шатер.

— Да-а, — произнес он, глядя на Топтунову, — завидую я вам: живете вот так, отдыхаете, а я тружусь, тружусь на благо неизвестно кого, и спасибо по вечерам мне никто не говорит.

Гости сходили в баньку, откуда вернулись поздно и сразу отправились на второй этаж, где их ждала постель. Кровать, на беду хозяев, оказалась скрипучей. Да и Топтунова вскрикивала ненатурально громко. Лена с мужем лежали в комнатке на первом этаже на разложенном диванчике, в той же комнате спал на тахте сын Петька. Спал он обычно крепко, но все равно Лена переживала, потому что Топтунова в порыве страсти иногда выкрикивала не совсем приличные слова. Да и Пышкин пыхтел слишком истоиво — так, словно ему предложили принять участие в детской игре и попросили изображать паровоз.

Кровать ритмично постукивала ножками; с потолка доносилось: скрип-стук, скрип-стук, скрип-стук, скрип-стук...

— Ой, ой, ой, ой, ой!.. — вскрикивала Топтунова.

— Ых, ых, ых, ых, ых... — с напряжением пыхтел народный избранник.

— О-о-о-о-о! — подавала сигнал школьная подруга.

— А-а-а-а-а! — гудел измученный паровоз.

Потом наступало молчание, прерываемое хихиканьем Ирины.

Лена лежала молча, надеясь, что наверху скоро все закончится. Рядом молчал муж, и он тоже не спал.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила Лена.

— Мне стыдно за себя, — шепотом ответил Николай, — я сегодня обманул Пышкина — стал ему рассказывать о принципе действия двигателя, который я придумал. Во-первых, сказанное мною не имеет почти ничего общего с действительностью, а во-вторых, опытный образец уже существует, и он всю зиму обогревал корпус, в котором размещается наша лаборатория, обогревал и давал электричество, когда всему институту за долги отключили тепло и свет.

— Я тебя люблю, — шепнула мужу Лена, — люблю и горжусь тобой!

Она поцеловала его.

— Мне и за Вовку Пышкина неловко, — вздохнул Коля, — я ведь знаю, что в Думе он возглавляет комитет по инвестициям. От него зависит очень многое, но они там бюджетные деньги отдают каким-то фирмам-посредникам, а те приводят западные компании, обещающие нашей промышленности новые современные технологии, а в результате — ни технологий, ни денег.

— Все и так понятно, — шепнула Лена, — посреднические фирмы принадлежат членам семей депутатов, а западные — их друзьям детства.

— Ых-ых-ых-ых-ых, — раздалось наверху.

Скрип-стук, скрип-стук, скрип-стук...

— Ой, ой, ой, ой, ой... — жалобно вскрикивала за потолком Топтунова.

— Интересно, — шепнул Николай, — сами они верят в то, что изображают?

— Ых, ых, ых, ых, ых.... А-а-а-а-а!!

— Еще! — крикнула на чердаке Топтунова. — Какой ты мужчина! Ты — лучший!

— Слава богу, что Петька спит, — вздохнул Николай.

— Я не сплю, — тихо ответил со своего дивана Петька, — думаю про твой электродвигатель.

Друзья семьи спустились с чердака только после полудня. Перед тем как сесть завтракать, Пышкин позвонил своему водителю и попросил за ним приехать. Топтунова не сомневалась, что депутат заберет ее с собой. Она сидела рядом с Владимиром Геннадьевичем и прижималась к нему грудью. Пышкину это немного мешало завтракать, но он терпел и выглядел довольным. А когда Лена налила ему кофе, посмотрел на хозяйина дома.

— Кстати, Коля, возвращаясь к твоей просьбе, — произнес депутат, демонстрируя, что никогда ничего не забывает. — На каком принципе действует твой аппарат?

— На принципе сохранения энергии. Электрический ток заставляет вращаться колеса, вращение вала вырабатывает электрический ток, который... Конечно, есть некоторые потери, но их компенсируют солнечные батареи и энергия встречного потока воздуха, заставляющая...

— То есть у тебя где-то установлен еще и ветрогенератор роторного типа?

Николай отвернулся в сторону и после некоторой паузы кивнул:

— Именно так. Оказывается, ты еще не забыл физику.

— Я много чего помню, — согласился народный избранник и уставился на Лену. — Хотя, кстати, забыл о своем подарке.

— Ты подарил мне духи, — напомнила Лена.

Но Пышкин махнул рукой:

— Это просто знак внимания, а подарок у меня более существенный. Ты ведь у нас психолог по образованию — так ведь?

Лена кивнула.

— А работаешь в школе? — спросил депутат.

— Да, — ответила Лена, — и работа мне нравится.

— Забудь! — махнул рукой Пышкин, словно приказывая отказаться от дурной привычки. — Я подыскал тебе новое место. Ты про Кадилова слышала что-нибудь?

— Максим Максимович вел у нас спецкурс по психоанализу. А сейчас он практикующий психотерапевт.

— Точно так, — согласился Владимир. — Максим Максимович управляет институтом психоанализа: его сотрудники сейчас нарасхват. Ведь все насмотрелись американских фильмов, в которых у каждого более или менее состоятельного человека есть персональный психоаналитик, который помогает решать проблемы. А поскольку у нас нет такой службы, Кадилов ее создал. Я с ним переговорил, и он готов тебя взять, если, конечно, ты пройдешь собеседование. Не знаю, какую он положит тебе зарплату, но, думаю, в месяц будешь получать столько же, сколько за год работы школьным психологом. Есть желание пополнить семейный бюджет?

— Мне кажется, я пройду собеседование, — проговорила Лена. — Максим Максимович, когда я училась, попросил разрешения использовать фрагменты моей курсовой...

Она обернулась и посмотрела на мужа, который знал эту историю: Кадилов сказал тогда третьекурснице Зворыкиной, что использует лишь несколько примеров и формулировок, а когда статья профессора появилась, она почти ничем не отличалась от курсовой студентки — была лишь немного сокращена.

ГЛАВА 3

Сначала Кадилов притворился, что не узнал Зворыкину, а потом достаточно искусно изобразил пробуждение памяти.

— Вы, кажется, были моей студенткой, — прищурился он, внимательно ее разглядывая, словно она пришла в его кабинет не как предполагаемая сотрудница, а как пациентка.

— Вы вели у нас спецкурс, — напомнила она.

— Да-да-да, — согласился он. — Что получили на моем экзамене?

— «Отлично».

— Ну, тогда я беру вас на работу. У меня ведь пятерку получить сложно. Только поэтому я иду вам навстречу, а не из-за того, что за вас походатайствовало влиятельное лицо.

И тут он лукавил: Лена ничего у него не просила, это Пышкин заставил ее прийти сюда; к тому же Лена поняла, что Максим Максимович узнал ее сразу, как

только она переступила порог, узнал, но сделал вид, что не понял, кто перед ним.

— ...Какая тема была у вашей курсовой?

— Преступления сексуальной направленности как проявление внутренних имитаций.

— Что-то припоминаю, — кивнул Кадилов, — вы изучили мою нашумевшую тогда в научных кругах статью о связи основных прошивок и сексуальной агрессивности. Здесь это пригодится. Для начала поприсутствуете на моих приемах, потом пообщаетесь с нашими ведущими специалистами, посмотрите, как справляются они. После чего направлю пациентов к вам. Сейчас чем занимаетесь?

— Школьный психолог.

— Коррекция поведения подростков — не так ли? Тоже нужное дело. К нам иногда обращаются родители с подобными вопросами, но...

Максим Максимович замолчал, продолжая рассматривать Лену.

— Вас когда-нибудь приглашали экспертом по вопросам сексуальных преступлений, совершенных подростками?

— Нет, но я работала с жертвами таких преступлений. С девочками, разумеется, но был и мальчик, который не захотел говорить об этом с психологом-мужчиной...

— Интересно! — воскликнул Кадилов. — Хотите, расскажу, как это было у мальчика? Скорее всего, его совратил какой-нибудь хорошо знакомый родителям человек, которого они безусловно уважали. Мальчику лет двенадцать-четырнадцать — он тихий интроверт.

— Почти так. Пацану было двенадцать, а совратителем оказался сосед по даче — очень уважаемый и за-

служенный человек, у него было двое своих сыновей, оба студенты. Дачу потом эта семья продала...

— Выходит, соседа посадили?

— Нет, он застрелился, когда за ним пришли. Попросил разрешения переодеться. Вошел в свой кабинет, достал пистолет и, не задумываясь, убил себя. Именно его смерть напугала ребенка, а не то, чем они занимались. Мальчик очень любил древнюю военную историю: спартанцы, римские войны. Сосед беседовал с ним и смог убедить, что легионеры занимались этим, чтобы стать сильнее, отважнее и защищать друзей, как самих себя...

Максим Максимович кивнул и тут же потерял интерес к этому случаю.

— За прессой следите? — спросил он. — То есть за криминальными хрониками? Что вы думаете по поводу недавних убийств чиновников?

Лена пожала плечами.

— Не слышали разве? — удивился Кадилов. — В течение месяца убиты двое высокопоставленных сотрудников мэрии: один курировал жилищное строительство, а второй ремонт дорог. Об этом столько говорят в последнее время! Самое интересное: никаких подозреваемых, никто этим людям не угрожал, ничего не вымогал, не требовал... Они не были никому должны и сами никому ничего не обещали.

— Так не бывает, — возразила Лена, — чиновники всегда обещают, а значит, должны или делать, или отвечать за неделанное...

— Тем не менее следственный комитет и прокуратура в тупике. Ко мне на прием захаживает один ответственный товарищ из этого ведомства, иногда он делится со мной информацией.

— А что с ответственным товарищем такое, что он к вам зачастил?

Кадилов вскинул на Лену удивленный взгляд:

— Что за вопрос? Вы же понимаете, коллега, что это врачебная тайна. Но случай очень и очень неординарный...

Две недели Лена присутствовала на приемах, который вел Максим Максимович и признанные специалисты его института. Впрочем, институт психоанализа, который создал Кадилов, был просто психотерапевтической клиникой — с просторными холлами, десятком кабинетов для сотрудников и парочкой комнат для физиотерапевтических процедур, — название «институт» Кадилов придумал для солидности, потому что сам был доктором наук, профессором и даже действительным членом Академии российского психоанализа, о существовании которой Лена прежде и не подозревала. В клинике имелась и служебная столовая, похожая на молодежный бар со светомузыкой, солярий, сауна с малюсеньким бассейном. Все это, по мнению Кадилова, должно было сплачивать коллектив, кроме того, некоторые высокопоставленные клиенты посещали сауну и бассейн вместе с Максимом Максимовичем и там беседовали с ним о своих проблемах, потому что в кабинете не могли расслабиться и говорить правду.

Из десятка психотерапевтов, работающих в клинике, кое-кого Лена знала: двое преподавали на факультете в те годы, когда она училась, а одна была студенткой на курс младше. Звали ее Ритой, и уже тогда ходили слухи, что она любовница профессора Кадилова. Рита и в клинике находилась на особом положении: го-

ворила громко и давала всем советы. Но Лену она узнала сразу и приветливо обняла.

— Я рада, что мы будем работать бок о бок! — объявила она. — Если возникнут проблемы или трудности — прямо ко мне. Больше тебе здесь никто не поможет.

Судя по всему, Максим Максимович до сих пор поддерживал со своей бывшей студенткой близкие отношения. Лена побывала и на ее приеме. И поразилась, что Рита Ковальчук оказалась довольно сомнительным специалистом, если вообще понимала, как следует общаться с пациентами: она не беседовала с ними, а учила жить, громко, с интонациями сержанта, наставляющего новобранцев. Голос у Риты был резкий, с выговором уроженки южных областей России. Люди уходили от нее подавленные и растерянные. Зато стеллажи в кабинете многолетней любовницы Кадилова были заставлены американскими книгами по психоанализу, и, как ни странно, Рита прочитала их почти полностью. Как-то она сняла одну из них с полки, начала ее пересказывать, а потом протянула Лене:

— Что мне тебе рассказывать! Ты почитай лучше сама и поймешь мой метод.

Лена посмотрела на обложку:

— «Традиция почитания икон Богоматери России глазами американского психоаналитика» — я правильно перевела?

— Абсолютно, — кивнула Рита, — очень мудрая книга. В ней есть все — для меня это и библия, и методическое пособие. Смотри не потеряй, я ее специально из Штатов заказывала — мне эта книга кучу денег стоила.

Лена знакомилась с откровениями известного американского психоаналитика, не отрываясь, два дня и ничего не поняла. Вернее, поняла, что все изложенное популярным человеком — невероятная чушь: Христос — добровольный мазохист, русские молитвы и почитание икон — бессмысленные фразы и последовательность действий, понятные только самому человеку, произносящему набор ничего не значащих слов, почитание Богородицы — детская боязнь русских остаться сиротами и тому подобное. И, возвращая книгу Рите, она сказала, что хотя не все поняла, но не со всем согласна.

— Просто ты не доросла, — спокойно отнеслась к ее оценке Рита, — для понимания столь сложного текста необходимо обладать не только обширными знаниями специальности, но и собственной глубокой духовной практикой. Вот я, например, разработала свой метод общения с пациентами, основываясь на том, что почерпнула из этой великой книги. Американцы ведь многого добились в психоанализе, с этим никто не спорит: у них посещение психоаналитика — такое же обычное дело, как визит к дантисту. Полагается ходить к стоматологу не реже раза в полугодие — американцы это делают, а к психоаналитику они ходят даже чаще и платят намного больше, чем зубному врачу, а потому все они такие удачливые и спокойные.

Лена спорить не стала. С Ритой вообще никто в клинике не спорил, потому что любовница хозяина и главного специалиста все равно говорила громче всех. Странно только, что Кадилов посоветовал Звонриковой обратить внимание на то, как работает именно Рита...

Но специалисты в клинике Максима Максимовича все же имелись, и лучшим среди них был профессор Рейнгольд. Присутствовать на его приемах было интересно и поучительно. К тому же Дмитрий Натанович всегда предлагал Лене поучаствовать в процессе. Однажды к нему на прием пришла женщина, измученная борьбой с сыном-шестиклассником. Во всех своих неурядицах она винила только себя, к тому же школьный психолог, которому в свое время поручили поработать с мальчиком, вынес свое заключение: ребенок адекватный — во всем виновата сама мама, которой следует заняться серьезной коррекцией собственного поведения.

Дмитрий Натанович слушал, задавал вопросы, а потом обратился к Зворыкиной:

— Может, вы что-нибудь посоветуете, коллега?

— Вероятно, школьный психолог был прав, — сказала она, — у вас нормальный сын: не наркоман, не токсикоман, не просиживает сутками у компьютера, ладит со сверстниками... А поскольку отца нет, он копирует манеру поведения мамы, при этом пытаюсь выполнять роль мужчины в семье...

Лена посмотрела на посетительницу, которая слушала ее с некоторым недоверием.

— Если хотите, я дам некоторые рекомендации...

Лена говорила более полчаса, а женщина записывала, хотя и выражала порой сомнения: «Это вряд ли... Этого точно он не будет делать... На это я пойти не смогу...»

Через день она позвонила Зворыкиной и доложила, что сын принял ее условия, а она — его условия. Каждый завел журнал своих хороших поступков и журнал

исполнения желаний, которые будут заполнять в конце каждого дня вместе...

Потом она стала названивать часто.

— ...Я не захожу теперь в его комнату, как вы советовали, а он в обмен на это сам убирает в ней, и, кстати, очень тщательно... Он попросил научить его готовить, а я взамен попросила его прочитать «Войну и мир» и пересказать мне: якобы у меня на чтение нет времени — работа все отнимает. Он таким классным рассказчиком оказался... Вчера мы с ним записались в секцию айкидо...

ГЛАВА 4

Для Лены выделили отдельный кабинет — десяти-метровую комнату с узким окном, к которому прижимался ствол растущего возле дома старого тополя. Изначально в комнатке планировалось размещение библиотеки по специальности, но потом от этой идеи отказались, потому что каждый специалист покупал себе книги сам. Некоторое время комнатенка использовалась как кладовая, но потом появилась Зворыкина, которой был необходим кабинет.

Прошло две недели, как она работала у Кадилова, и уже два дня, как она сидела в собственном кабинете. Не сидела, разумеется. А перенимала опыт коллег, присутствуя на их приемах и просто беседуя с ними. И ожидала, когда Максим Максимович позволит ей начать собственную практику, считая, что готова к этому, а если будут какие-то трудности, то посоветоваться есть с кем.

И вот наконец Кадилов пригласил ее в свой кабинет, где уже находился какой-то мужчина.

— Познакомьтесь с нашим специалистом Еленой Александровной Зворыкиной, — представил ее Максим Максимович, — теперь она будет работать с вами.

Мужчина едва привстал и назвал себя:

— Валерий Иванович.

— Валерий Иванович испытывает некоторый дискомфорт в общении с окружающими, — объяснил Кадилов, — помогите ему.

Оказавшись в своем кабинете, Лена даже не успела ничего спросить, потому что пациент, едва усевшись в кресло, уточнил:

— Начнем с того, что никакого дискомфорта в общении у меня не наблюдается. Просто самого общения нет. Я не работаю постоянно, друзей у меня нет, семьи тоже.

— Но ведь были когда-то и друзья, и семья? — предположила Лена.

Мужчина задумался, потом кивнул:

— Была жена и дочь, но я с ними не встречаюсь, потому что они этого не хотят. Друзья тоже были, но это были друзья семьи и, как выяснилось, больше друзья жены. Меня они не посещают и никогда не звонят.

— Вы были инициатором развода?

— Жена, — ответил Валерий Иванович. И тут же продолжил: — Я не могу беседовать в таком темпе, я предупредил, что пришел сюда не исповедоваться.

— Вы пришли просто пообщаться и выговориться.

Пациент задумался и кивнул:

— Можно сказать и так.

— А прежде чем начать разговор, вы пытаетесь определить, стою ли я ваших откровений?

Он снова кивнул.

Для себя Лена уже определила, что этому человеку нужна реальная помощь. Потому что Валерий Иванович выглядел очень спокойным и рассудительным, возможно, прежде он занимал какой-нибудь ответственный пост или преуспел в бизнесе, а потом решил отдохнуть от трудов. Накоплений, вероятно, не так много, чтобы продолжать прежнюю, более чем обеспеченную жизнь, а потому жена предпочла с ним расстаться... Сначала она пыталась увещевать его, потом стала устраивать скандалы, а когда поняла, что это бесполезно, ушла вместе с дочкой.

— Причины моего развода никак не связаны с материальными трудностями, — произнес Валерий Иванович, словно прочитав ее мысли, — мы жили достаточно скромно, но не бедствовали. Я был на государственной службе, а она преподавала в институте. Потом перешла в частную фирму. Прожили вместе девятнадцать лет, а теперь вот почти четыре года в разводе.

— Сколько вашей дочери сейчас?

— Шестнадцать.

Спрашивать, почему он не видится с дочерью, Лена не стала, ведь Валерий Иванович уже сказал, что ни жена, ни дочь не желают с ним встречаться. А раз так, значит, причиной развода было что-то очень серьезное. Может, его влечение к дочери? Но лучше не гадать, неверные установки могут только навредить.

— Я был обычным отцом, — произнес он.

И снова Лена удивилась тому, что Валерий Иванович как будто предугадывает ее вопросы.

— Страсти к дочери у меня не было. И жене я тоже не изменял, если вас это интересует. Вообще я мечтал о сыне, но когда появилась дочь, то радовался точно так же, как если бы родился мальчик.

— У дочери с матерью были конфликты?

— Случались, но по мелочи. У меня же никогда. Но вообще дочка больше общалась с мамой. Они и ссорились, как две подружки. У вас ведь сын? Сколько ему?

— Двенадцать. А как вы догадались?

— Просто предположил. Хотя женщины, имеющие сына или дочь, отличаются друг от друга. Различия небольшие и не всегда обязательные, но в совокупности дают понимание того, какого пола у нее ребенок.

— Очень интересно! — произнесла заинтригованная Лена. — Можете назвать хотя бы несколько отличий?

— Разница может быть во всем. Это подобно тому, как незамужняя женщина отличается от замужней. Как счастливая в браке не похожа на ту, которая едва терпит присутствие рядом ненавистного ей или просто нелюбимого мужчину. Отличия могут быть в походке, в манере одеваться, в прическе, во взгляде, в тембре голоса, в манере общения...

— Может быть, вы и правы, — согласилась Лена.

А пациент посмотрел на нее и продолжил:

— Вашему сыну лет десять-двенадцать, а вам едва ли больше тридцати, хотя выглядите вы моложе. Значит, сын родился, когда вы были студенткой. Вуз заканчивали, нагруженная домашней работой, уходом за ребенком. Муж помогал и с сыном, и работать пошел... Ведь он тоже был студентом?

— К тому времени он уже закончил институт... Но зарплата были небольшие, и ему приходилось совмещать.

— Не сомневаюсь, что он достойный уважения и вашей любви человек. Вам завидуют подруги, но у вас их немного, поэтому выскажу предположение, что они не так удачливы в своих браках... Хотя мне кажется, их одна-две максимум, и они обе не замужем. Интеллектуально вы их превосходите.

— Насчет их интеллекта промолчу, — улынулась Лена, — а все остальное совпадает.

— Что касается вашего ума, то тут редкая женщина может с вами сравниться, а потому я не гадал, а высказал лишь то, что очевидно. Муж наверняка очень ценит вас и любит.

— Надеюсь, — опять улынулась Лена.

Беседа принимала странный оборот, и потому она спросила:

— Вы живете один?

Валерий Иванович кивнул.

— Но вы не очень бедный человек, раз можете позволить себе услуги психотерапевта. Неужели у вас нет постоянной женщины?

Валерий Иванович едва заметно усмехнулся.

— Случайные? — удивилась Зворыкина и покачала головой. — Это вряд ли, вы серьезный человек. А потому, скорее, не будете пользоваться услугами профессионально обученных искусству любви.

— У меня есть девушка, — признался Валерий Иванович, — можно сказать, проходящая. Она появляется по моему вызову: может остаться на ночь, может задержаться на два-три дня. Пару недель в прошлом году от-

дыхали с ней на Ямайке... А весной этого года летали на карнавал в Рио.

— Как вам карнавал?

— Мне понравилось, а ей нет.

— Почему? — искренне удивилась Лена.

— Почему мне понравилось? — переспросил Валерий Иванович.

— Я о ее реакции на праздник спросила.

— Праздник — да, но он не наш, — объяснил Валерий Иванович. — Музыка, веселье — и того и того с переизбытком. Люди перенакачивают себя танцами и алкоголем, наркотиками... Больше, конечно, ритмом мелодий, которые заставляют сердца биться в ином, чем обычно, ритме: люди пребывают в транс, мир вокруг них уже иной, и поведение каждого меняется... Я уже говорю не о групповом или массовом сексе, а об опасности для жизни находиться там. В первый день на нас дважды напали грабители. В первый раз какой-то парень просто попытался выхватить у моей подруги сумочку, но она держала ее крепко, и я его просто отшвырнул; парень убежал грабить кого-то другого. А вечером на нас напали уже трое. Причем они хотели не только завладеть нашим имуществом...

— Они попытались изнасиловать вашу подругу? — догадалась Лена...

И вдруг поняла, что это, вероятно, и произошло, а Валерий Иванович не смог ее защитить, и все это произошло на его глазах, а потому он испытывает чувство вины и пережитого унижения.

— Пытались, — кивнул он, — двое повалили ее, а третий приставил к моему горлу нож. Не пугай-

тесь — ничего не произошло. Я успел перехватить его запястье и выстрелить ему дважды в живот, а потом выстрелил еще трижды в тех двоих. Вокруг гремела музыка, люди веселились, мимо проходили радостные, танцующие ламбаду зомби, все это случилось на их глазах, но никому не было дела до того, что происходит...

— Как выстрелили? — не поняла Лена. — Из чего вы стреляли?

— Из травматика, — объяснил Валерий Иванович, — одному в живот дважды, второму попал в голову, а третьему в плечо и в шею.

— Но вы же не убили их...

— Не знаю. Мы ушли, а они остались лежать.

— Представляю, как испугалась ваша подруга.

— Она не испугалась.

— Совсем не испугалась?

Валерий Иванович покачал головой:

— Ни капельки.

И усмехнулся. Понимая, что Лена ему не верит.

— Мы познакомились через Интернет, — признался он, — я искал, простите, девушку для встреч. Она — мужчину для встреч, причем указала, что хочет серьезного и постоянного, но не для замужества, так что я ее устроил полностью.

— Но она не приезжает к вам сама, а только по вашему вызову?

Мужчина кивнул:

— Почти всегда так и бывает.

— Но ведь вы о чем-то с ней говорите, у нее есть какие-то планы на жизнь. Она делится с вами? Сколько времени вы вместе?

— Мы не вместе, мы встречаемся почти два с половиной года — достаточно часто. И она ничем со мной не делится. Мы вообще не разговариваем. Она все время молчит, и меня это полностью устраивает — иначе бы я не выдержал столько времени.

— Она молчит? — переспросила Лена и догадалась. — Она немая?

Валерий Иванович покачал головой:

— Нет, но за два с половиной года она едва ли произнесла при мне два с половиной слова. Если вдруг что-то хочет сказать, присылает мне эсэмэску, даже если я нахожусь с ней рядом...

— Она...

— Моя девушка вполне нормальная и адекватная, если вас это интересует. Просто однажды решила сосуществовать с окружающим миром именно так.

— Но это само по себе...

— Меня в ней устраивает все, а ее молчание — в первую очередь.

Валерий Иванович посмотрел на часы и поднялся:

— Спасибо вам огромное, постараюсь бывать у вас почаще. Вы мне очень помогли.

Лена проводила его до гардеробной, а потом, уже попрощавшись, подумала: «Чем помогла? Поговорили немного, да и то ни о чем...»

Она вернулась в кабинет, и почти сразу к ней заглянул Кадилов.

— Как прошло? — спросил он.

Лена пожала плечами:

— Никак, но клиент доволен, сказал даже, что я ему помогла.

— А ваше мнение?

— Мое мнение, что он нуждается в компенсаторном общении: у него близкие отношения с девушкой, которая все время молчит.

— Видимо, не столько молчит, сколько не слушает его. А невнимание — признак неуважения. При этом Валерий Иванович — человек очень серьезный. Он был следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры. Представляете, какво следователю, когда кто-то не отвечает на его вопросы, а применить незаконные методы ведения допроса он не может? Не так ли?

— Я думаю, он просто любит свою подругу и не хочет себе в этом признаваться.

— Ты считаешь, что ему не нужна психологическая помощь?

— Максим Максимович, — улыбнулась Лена, — вы в своих работах утверждаете, что психологическая помощь необходима каждому человеку, в том числе профессиональным психологам.

Кадилов внимательно посмотрел на нее.

— А мне в ближайшее время потребуется именно ваше содействие, — произнес он. — Дело в том, что несколько лет назад во Фрайбурге... Знаете такой город?

— Знаю только, что там родился Зигмунд Фрейд и прожил до трехлетнего возраста.

— Так вот, к столятидесятилетию Фрейда в этом городке проводили конференцию, посвященную творчеству знаменитого земляка. Я на ней тоже выступил с докладом о внутренних имитациях. Вы, кажется, знакомы с моей статьей на эту тему...

— Немного, — соврала Лена, чтобы начальник не думал, будто она помнит о своем авторстве.

— Так вот, потом уже ко мне подошел один известный американский издатель и предложил написать книгу по данной тематике. Обещал прислать на подпись контракт, но сделал это только сейчас. Тираж обещает сделать большим, если я раскрою подоплеку сексуальных преступлений. Просит подготовить книгу как можно быстрее, а у меня и тогда был жуткий цейтнот, времени ни на что не хватало, и сейчас ни секунды нет, а издатель торопит. Книга очень важна не только для меня, но практику я оставлять не могу, потому что моим пациентам нужна постоянная помощь. Объем — десять авторских листов, это четыреста тысяч знаков... Если вы набросаете мне...

— Я должна набросать или написать?

Кадиллов почесал за ухом, быстро взглянул на потолок, словно искал ответ на такой простой вопрос именно там, и ответил:

— Напишите — я в любом случае многое исправлю. Фамилия на обложке будет моя, а вам я заплачу двадцать или двадцать пять тысяч долларов — почти весь обещанный мне гонорар.

— Я готова помочь вам, — сказала Лена.

— Вот и славненько, — спокойно произнес Максим Максимович.

Он повернулся и не спеша направился к своему кабинету. Лена осталась стоять, несколько ошарашенная предложением. Написать книгу на основе своей курсовой труда, конечно, не составит. То есть это отнимет какое-то время — может быть, три или четыре месяца вечерами придется заниматься только этим, возможно, даже на работе найдутся свободные минуты... Но двадцать тысяч! Или даже двадцать пять! Такие деньги им с Колей очень пригодились бы.

— Скажите, девушки, подружке вашей...

— прозвучало негромкое пение.

Лена с удивлением подняла голову и посмотрела вслед уходящему Максиму Максимовичу: пел именно он, и голос Кадилова был вполне приятным.

...Что я ночей не сплю, о ней мечтая.
Что всех на свете она милей и краше...

Максим Максимович подошел к двери своего кабинета, продолжая петь все так же негромко, вставил ключ в замочную скважину, обернулся и посмотрел на Лену. Помахал ей рукой и продолжил:

Я сам хотел признаться ей,
Но слов я не нашел.

Он зашел в кабинет и запел еще громче:

Очей прекрасных огонь я обожаю...

Вечером Лена рассказала о предложении начальника Николаю. Боялась, что муж посоветует отказаться, но Коля отнесся к известию спокойно.

— Обычное дело, — сказал он, — я тоже, если помнишь, семь лет работал на академика Верзильцева. Статьи писал я, а фамилия стояла его. Денег он не платил, правда, потом сделал так, что мою кандидатскую засчитали как докторскую...

— Но отзывы на нее были великолепные, — напомнила Лена.

— Ну и что, все равно стал бы только кандидатом, а получив докторскую степень, я смог рассчитывать на карьерный рост и солидную прибавку к зарплате.

— До сих пор рассчитываем, — рассмеялась Лена.

— Прости, — вздохнул Николай, — но рано или поздно все будет. Так что кадиловские двадцать тысяч долларов нам будут как нельзя кстати. Сама ты как к этому относишься?

— Я и без материального вознаграждения написала бы эту книгу — очень хочется заняться подобного рода исследованиями.

Они вдвоем готовили ужин, а когда уже сели за стол, в дверь позвонили: без предупреждения нагрянула Тамара Майорова, которая принесла магнитик в виде пальмы, коралловые бусы и бутылку виски из аэропортовского магазина беспошлинной торговли. После возвращения с Сейшельских островов это был ее первый визит к Зворыкиным.

— Лучше бы я пришла к тебе на день рождения, — сказала она Лене, — на этих островах скука одна. А так, глядишь, ваш знакомый депутат обратил бы внимание не на Ирку, а на меня.

И рассмеялась, понимая, что подобное вряд ли бы случилось.

— Хотя с Топтуновой в этом плане редко кто может поспорить. Она небось сразу грудь выкатила...

Майорова посмотрела на Николая:

— Ничего, Коля, что я так откровенно? Просто ты свой в доску, и при тебе можно так говорить. Но ведь признайся честно, что именно так и было.

— Честно признаюсь, что меня подобной тактикой не взять, — усмехнулся Зворыкин.

— Все вы так говорите, а когда Топтунова к вам прижиматься начинает, устоять не можете.

— Можем, — возразила Лена, — я когда ей Колю в первый раз показала, она и на него пыталась таким же образом воздействовать — не получилось.

— Вот ведь какая гадина! — возмутилась Тамара. — И почему мы с ней дружим? Я сколько раз зарекалась с ней никуда не ходить. Только мужик какой на меня глаз положит, так она сразу к нему... Она меня тут в Турцию позвала, но я отказалась. Во-первых, где я и где Турция, а во-вторых, с Ирккой никакого отдыха не получится: она загорает топлес, и весь пляж пялится на ее эти топлесы, а потом вечером в баре все ее цепляют...

— Откуда ты знаешь? — удивилась Лена. — Вы же вместе не отдыхали.

— Отдыхали, — призналась Майорова, — лет пять назад, именно в Турции, только решили тебе ничего не говорить, чтобы ты не обиделась, что мы туда без тебя рванули.

— Почему я должна обижаться, я бы только порадовалась за вас...

— Нет, Турция — не то, там теперь только гопота одна собирается. А на Сейшелах — скука. На Ямайке в прошлом году мне понравилось — там были и приличные люди. Но все, к сожалению, с кем-то. Мне один мужик солидный понравился, но он был с девкой. Ему лет сорок пять, а ей, наверное, и тридцати не было. Такая ничего из себя, только глухонемая, наверное, — все время молчала. Они как-то в баре сидели, так к ней двое наших парней подвалили — накачанные ребята с цепями на шеях. Подошли к их столику и сели, пока мужик солидный за коктейлями к стойке отошел. Они этой девушке чего-то говорят, а она делает вид, будто не замечает их вовсе. Ребята завелись конкретно. Они

уже приняли на грудь хорошо. Мужчина этот вернулся к столику, а один из этих пацанов ноги на свободный стул положил, дескать, проходи мимо — место занято. А тот солидный что-то сказал негромко, а потом ему по ногам двинул. Они оба вскочили, извинились и быстро ушли. Потом в бар, если эта парочка сидела внутри, даже заглянуть боялись. Видимо, тот мужчина в солидном авторитете был.

— Мужчину звали Валерием Ивановичем? — спросила Лена.

Майорова задумалась, вспоминая.

— Валера точно, только отчества не помню. Да что мы про каких-то посторонних! Давайте-ка лучше про Ирку Топтунову поговорим. Я тут с ней созвонилась, она мне такого наплела! Вот я и хочу проверить, врет она или нет.

Тут же выяснилось, что их школьная подруга теперь живет с депутатом Пышкиным в его квартире, ушла с работы и устраивается на новую — в крупную торговую сеть заместителем генерального директора по закупкам. Место это Ирине подыскал, разумеется, Владимир Геннадьевич Пышкин, который от Топтуновой в восторге и вообще потерял голову.

ГЛАВА 5

Валерий Иванович вошел в кабинет и опустился в уже знакомое ему кресло.

— Я уже два дня думаю о вашей девушке, — сказала Лена, — представляю, что стало бы с моей психикой, если бы на меня и мужа вот так же напали. А потом

муж, будь он вооружен, начал бы стрелять и, возможно, причинил здоровью нападавших серьезный вред.

— Вероятно, я причинил им что-то, — согласился Валерий Иванович, — но ведь они тоже знали, на что идут. И они были готовы убить нас. Теперь подумают, прежде чем повторить подобное с кем-то еще. А что касается моей девушки, то не переживайте, в ее жизни были приключения и пострашнее.

Лена вспомнила историю, рассказанную подругой, и сообщила:

— Мне известно, что в прошлом году, когда вы отдыхали на Ямайке, в баре отеля произошел какой-то конфликт с двумя накачанными ребятами. Что вы им тогда сказали?

— Какой конфликт?

Он не удивился тому, что Лене что-то известно, даже задумался, припоминая.

— Да не было никакого конфликта. Пацаны перебрали основательно и решили немного побыковать. Я попросил посмотреть на меня внимательно и вспомнить, кто я такой. Если они не вспомнят, то посоветовал им домой не возвращаться, потому что жизнь перестанет им улыбаться.

— И они сразу ушли?

— Не сразу. Но я назвал им свою фамилию, которую они, судя по всему, не слышали прежде, но на всякий случай решили не рисковать.

— И вы не испытали никакого страха или волнения?

— Нет, иначе ничего не получилось бы. Эти люди прекрасно понимают, когда их боятся. Человек может держаться уверенно, говорить спокойно, но страх спрятать нельзя, и тогда подобные ребята осознают, что